

Александр Яшин

СЕВЕРЯНКА

»»—««
с т и х и
»»—««

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Художественная Литература“
МОСКВА 1938

Елене Христофоровне Первенцевой

СЕВЕРНОЕ

СНЕГ

Я с детства сроднился с его холодком,
Я брал его в руки,
Ел и ахал,
Знаком с его светом и с хрустом знаком,
Я с детства ходил по нему босиком —
О пятки отцовская билась рубаха.

Как глину, месил я его и мял,
Как белую глину скульптор,
И смело
Себя, угловатого, им растирал,
Чтоб крепло,
Горело,
Пружинило тело.

Я в этом снегу по колено бродил,
Гонял сохачей по весеннему насту...
Так здравствуй,
С сиянием звезд на груди
Под ветром ползущий и вьющийся,
Здравствуй!

Здесь с боем ходили мои друзья,
В лощинах, в оврагах братались до гроба.
Они обмерзали, меж сосен скользя...
Но Мурманск был взят
И Архангельск был взят.
Враги недобитые гибли в сугробах.

По вкусу, по цвету отличен от всех
Снегов, что лежат на Дону,
В Приднепровьи,
Он славен былыми боями,
Наш снег,
Он славен победами, мужеством,
Снег,
И пахнет он порохом,
Бором
И кровью.

Появится враг, и мы снова в снегу
Его похороним.
На горло наступим.
Ни пяди земли,
Ни снега врагу,
Мы даже горсти снега врагу
Не уступали
И не уступим.

Он, стянутый лыжней,
Как друг боевой
Тугими ремнями,
Широкий надиво.
Дымясь и сверкая, лежит предо мной.
Так здравствуй же снова,
Живой,
Огневой,
В сосновых иголках,
С зеленым отливом!

Февраль 1937 г

ТАК НАЧИНАЛАСЬ МОЛОДОСТЬ

З а з д р а в н ы й   т о с т

Птицы тревожно пустились в лёт
В рощу,
В ольховый покой за деревней.
Ветер несжатые полосы мнет,
Ветер такой,
Что с корнями рвет
По сторонам вековые деревья.

Ветер такой,
Что визжат провода,
Воют столбы,
И с повадкой медвежьей,
О валуны разодрав невода,
Лезет взбесившаяся вода
На каменистое побережье.

Ветер такой,
Что земля дрожит,
Пыль поднялась —
Не увидишь неба.
Падают грузные этажи.
Рушится жизнь!
Зарождается жизнь!
Сдавленный голос требует:
— Хлеба!

Ветер такой,
Что в свистящей пыли
Камни летят из серых предместий
В окна покоев.
А мы пошли
Вдоль да по бережку
Краем земли
Первые в мире,
Впервые — вместе.

Выла встревоженная тайга.
Где-то за речкой,
За ельником,
Рядом
С шумом обваливались берега.
Наши отцы добивали врага,
И гроыхала полночь прикладом

Филины замерли,
Залегли
Волки в тущобах,
Деревья скрипели.
А мы, пригибаясь, под ветром шли,
А мы, продираясь,
Шагали,
Шли.
И даже смеялись,
И даже
Пели.

Мгла нависала —
Дорог не найти.
Чавкали хляби под сапогами.
Мы ободряли друг друга в пути,
Руки сжимали друг другу:
— Итти!

И оживали селенья за нами.
Можно ль пенять,
Что суровы, горды,
Что по-хозяйски
Мы строги сегодня!
Рожь не росла,
Не цвели сады...
Вобла да ковш задубевшей воды
Бабкин азиям
Да охотничьи бродни...

Спали в оврагах, в лесах, на песках
Сухонских
И становились старше.
Но не старели.
На счастье рука...

Так мы входили,
Врывались в века,
Так начиналась
Молодость наша.

1934 г.

ЧАПАЕВЦЫ

Солнышко в кокошнике
Вдоль да по бережку
Ходит.
Задымилась
К реке тропа.

С песнями да с плясками
Высыпали девушки:
— Здравствуйте, чапаевцы!
— Здравствуй, Чапай!

— Здравствуйте...
Пожалуйста...
На селе и около
Около недели
Ожидали вас.

Спешивайтесь, соколы,
Заходите, соколы,
Раздевайтесь, соколы,
В добрый час!

В избах прокопченные
Фонари качаются,
Рыжие котята
По углам снуют.

Принимают девушки
Молодцов-чапаевцев,
Песни про чапаевцев
На селе поют.

Угощают бабушки
Молодцов-чапаевцев:
— Кушайте, родимые,
Для вас блинки.

Бейте белых иродов,
Чтобы нам не маяться,
Не страдать, не мыкаться
От их руки.

И поутру к станции
С командиром, с наибольшим
Шли бойцы, готовые
В огонь любой.

С ними —
Наставления
И молитвы бабушек
Матерей заботы,
Девушек любовь.

. . . . .
Мы еще зеленые —
Пулями не мечены
Порохом не пытан
Юнцы, как есть.

Но и мы у родичей
Доброй славой встречены,
Встречены, привечены
За труд и честь

Мы растем, вынашивая
Чаяния-помыслы:
Ляжет трехлинейная
На скат плеча —

Соберутся бабушки
На ростань, на полосы,
Будут нас чапаевцами
Величать.

Выйдут в поле девушки —
Юбочки с воланами,
Кофточка с оборками,
Шали — сад:

Назовут хорошими,
Назовут желанными,
На кадриль — метелицу
Пригласят.

И старушки-матери,
Добрые, потешные,
С пирогами встретят нас
В холод, в зной.

— Дитяtko рожoное,
Здешний ты, нездешний ли,
Все равно:
Чапаевец,
Значит — сын родной.

1935 г.

ОЛЕНА

Что ни праздник — на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выряжены.
Парни с ними выдержаны.

Все достатки.
Все порядки
В этом выражены.

Честь по чести ходят пары,
Сады сводчатые.
И звенят, поют гитары,
Говорливые гитары,
Разговорчивые.

Только ахнет баян
И — Олена пляшет,
Улыбается подругам,
Полушалком машет.

У Олены сарафан
Всех нарядов краше.

Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олену нашу.

У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

Что ни фартук,
Что ни шаль —
Шелковые кисти.

Поглядишь — горит душа:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста.

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олена.

Говорит: «Нарядный вид,
Бойко пляшет,
Сарафан-то, говорит,
Знать, мамашин!»

Достоянье старины.
Бисер — жито.
Старый Север, говорит,
Интересный, говорит,
Пережиток».

А ему Олена прямо
И сердито:
«Перестаньте, гражданин,
Городить-то!»

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаким наряде
Не гулять бы.

Не мечтала мама видеть
В нем и внучек.

И чему таких ученых
Только учат?!»

Так отрезала ему
Складно да ладно.

Мы-то знаем, почему
Олена нарядна.

1936 г.

* *
*

«А и где мне спелых зернышек
Весной набрать?
А и где найти мне, девушке,
Душевных слов...»

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.

Как назвать мне милого,
Чтобы очень ласково,

Чтобы очень правильно
Было, чтобы нравилось,
Чтобы в сердце вправлено
Было, чтобы плавилось

Сердце,
Чтобы доняло,
Пело б имя до неба?
Ведь не для кого-нибудь,
И дает не кто-нибудь.

Что там ни загадывай —
Первая бы пара мне,
Приласкаться надо бы,
А слова все старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой? ягодой? —

Ласково, но только
Не такое надо бы.

Кралей облюбованным?
Голубком? касатиком? —
Тоже не по-новому,
Не его касательно.

Суженым? державушкой?
Симпатой? — все дешево!
Не такая славушка
У мово хорошого.

Задушевым дрозочкой?..
Но и то, коль вслушаться,
Ну вот ни на столечко,
Ни на капелюшечку

Не подходит к любому,
Не идет к желанному...

Любо ли, не любо ли
Батюшке, —
По раннему

По утру за реченьку
Я пойду к подруженькам.
Может, там словечико
Подыскали нужное.

Может, у подруженек
Правильное, новое
Для родных да суженых
Имя облюбвано.

1936 г.

* * *

Шла я нынче за́имкой.
На снега глядела.
Чего за ночь зайнька
Напетлял, наделал!

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Вереск он обхаживал,
Затягивал петли.

А местами — пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

Я милóго — мучилась,
Слушала весь вечер,
До чего ж закручены
У милóго речи.

Хоть и непонятные,
Но уж так красивы...
Слушала да пятилась,
Свету не гасила.

Я сноровку дикую
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают
И когда петляют.

1936 г.

МѢТА

Что со мною дѣется —
Сон меня сторонится?..
Сушя безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка ¹,
В северное плаванье,
На горѣ, на елочке
Памятку оставил мне.

«Зарастет, — сказал он мне, —
Не вернуть бывалого,
Не притти мне к гавани
И тебя не баловать».

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я.
Сушя безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мѣту я.

Море океаново,
Даль-дорога светлая,

---

¹ Дроля — на севере — любимый,
милый и любимая, милая.

Сгинул он иль по миру
Бродит? Молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу,

Дуют ветры свежие,
А не видно дrolечку...

Неужель подрежу я
Напрочь нашу елочку?

1936-37 г.

* *
*

У ворот в цветах и лентах лошадь.
Заждались девчата за избой.
Ты бы взял гармонику, Алеша,
Ту, что с зеркалами и резьбой,

Ту, с которой на море не зябли, —
Шумную,
В четырнадцать басов,
Мы возьмем твои топор и грабли,
Девушки управятся с косой.

Отвалили бы да затянули:
«Партизаны брали города» —
Травы бы колени подогнули,
Хлынула бы на берег вода!

И березовое мелколесье
Зацвело б, как яблоневый сад!

Захвати с собой, Алеша, песню
Ту, что разучили год назад.

1936 г.

Льнозавод

Еще травы сверкали росой,
Я ходила своей полосой,
Полосой
Из конца да в конец...
Уж я сеяла лен долгунец.

Лег пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями —
В лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен.
И в дождливый,
Ненастный денек
Уж я рвала-то, рвала ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам,
Чтоб лежал,
Чтобы мок — перемок...
И трепала, чесала ленок.

И болели и грудь и спина —
Я согнулась от белого льна —
А зимой
Не один вечерок
Уж я пряла-то, пряла ленок,

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно,
Пестрядь праздничную
На пиджак...

Нет...

Было

Не так!

В половодь весеннюю
К нам понаехали
Инженеры, техники —
Разбитной народ,
Землю за околицей
Уставили вехами.
Говорят: мы выстроим
Здесь
Льнозавод.

Говорят:
Вам, бабоньки,
Перестать бы маяться,
Спины гнуть на льнищах
Ни свет, ни заря, —
Будем обрабатывать
Лен как полагается,
Мялки и чесалки
Дадим, говорят.

И запели пилы...
В ельнике за выгоном
Встретили колхозники
Раннюю весну.
Звери скрылись,
Белочки,

Хвост раскинув, прыгали
Солнечными зайчиками
С елей на сосну.

От зари до зорюшки,
Да и в ночи белые —
В белые-дебелые и в лесу белó! —
Вместе с горожанами
Мы все дело делали,
Кровное-любовное.

Так
Бы-ло!

Выспели да выстоялись золотые льны,
Желтые от солнца,
Высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит..
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся,
Птицы полетели по небу вразброд:
Теребилку на поле вывел завод.
Собирая льна снопы,
Поднимая пыль,
Шагом за машиной шел автомобиль.

Лен заводу сдали,
И середь зимы
Ткани пестротканые получили мы.
Получили парочки —
Сколько ясных роз:
Солнце не сжигает их,

Не берет мороз.
А какие шали! —
Жарки и легки.
Что за полушалки,
Что за фартуки!

1931-35 г.

ВДОВА

Матери моей

— Ох, не тень от тучи на луга легла,
Да не черный ворон на пень-колоду сел, —
Опустилось на мою, на бедную голову
Горе великое, печаль-кручина.
Я возьму своих малых деток-сироток,
Я пойду, поведу их в широкое поле,
Я посею в поле свое вдовье горе.
Поливайте, детки, землю слезами!
Пусть взойдет наше горе черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полынью.

.....

То ли случилось что,
То ль на обед
Вышли соседи, —
А было не рано, —
Страшно ей стало:
Ветер в трубе,
Пусто и холодно,
Словно в избе
Вымораживают тараканов.

Кукла безногая на полу,
Веник, что труп,
И печка не греет.

В красном,
Рубленом в лапу, углу
Хозяин семьи лежит
И синеет.

. . . . .
Не пойти ли мне, горющице, по сырой земле,
По сырой земле да из края в край,
Ох, из края в край да от окна к окну?..
Да не от вдовьих ли слез мать-земля сыра?
Не от слез ли горька на лугах трава?
Ох, сыра земля да от вдовьих слез.
От сиротских слез мурава горька.

А стекаются слезы со всей земли
В речки малые да в реченьки быстрые,
И сливаются слезы во Двину-реку,
И впадают те слезы в море Белое,
В океаново море глубокое.
Где впадают, там не мерзнет вода,
Корабли ходят там целый круглый год
По соленым вдовьим да по сиротским слезам.

. . . . .
А на дворе снаряжали коней
И в лес за пихтой
И на кладбище.
Пять заправил, колхозных парней,
Молча сколачивали домовище.

Бабы ухаживали за скотом
И видели в окна:
Авдотья рыдает,
Воздух хватает запавшим ртом,
Злое соленое горе глотает.

— Ночь надвигается...

Как я теперь...

Ставни б захлопнуть

Да в голос...

Да в слезы...

Пол даже стонет,

Дверь стонет...

В дверь

Входит с соседями предколхоза.

— Вы соседи мои, соседушки,

Не о горе ли моем вспомнили?

Закатилось солнце ясное —

На земле не стало света-пламени.

Мой хозяин-заступник покинул меня —

Все добро мое и всю жизнь унес.

Мне от вас ничего не надобно

И просить мне у вас больше нечего.

Расколись, земля, пересохни, река!

Не пахать мне, не сеять и воду не пить.

. . . . .

А председатель усом шевелит,

Брови старается сжать построже,

Но не идет к нему хмурый вид:

Трудную жизнь председатель прожил.

— Авдотья Григорьевна, не реви,

Авдотья Григорьевна,

Мы поможем.

Взгляд подняла, безутешный взгляд,

— Где ребятишки? — спросила глухо.

— Старших отправили в детский сад,

Младший сидит у моей старухи.

Ты не одна, говорю,
Не реви!
Трав мы не ниже,
Воды не тише.
Хватит у нас отцовской любви
Не на один пяток ребятишек!

— Плачешь, Овдотьюшка?! —
Деверь вошёл, —
Полно!..
Сейчас соберутся бабы,
Избу помоят
И что там еще...
А ты на чайшко ко мне зашла бы.

Много ль усопшему надо земли?
Много ли в горе участия надо?..

Смотрит Авдотья — свои собрались,
Свои по селу,
Свои по бригаде.

Словно б от сердца и отлегло.
Вышли на улицу.
В облаке пыли
Голубь бродил, приспустив крыло,
Шли по деревне автомобили.

1936-37 г.

ВОЛОГДА ¹

I

«Ты проедёшь волок, ещо волок да
Ещо волок, — будёт город Вологда.
Как подъедёшь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади,
Правь по той по самой, где ржут лошади,
Где воза стоят с соломой, где дрова стоят,
Где водой стоялой бабы скот поят.
Проёзжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По дубовому, ёловому, по шаткому,
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Опроси прохожих, — город не Росея ведь,
Скажут, где живет Овдотья Олѣксеѣвна.
Скажут: «около осьми колоколов,
Огороженных оградой обочь — около».
У омѣтов у соломенных, у омутов
У болотных вознеслись еѣ хоромы-то.
В кружова еѣ хоромы вплетѣны.
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежня Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку-всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучоглазку, волчий рот.

---

¹ При чтении акцентировать на «о».

Ты напомни ей про полового Якова
Из большого из кирпичного из «Якоря»,
И про то, как мы поутру по росе
Вместе путали-мотали валансьен.
И скажи ты ей, Овдотье Олѣксеѣвне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче Олѣксеѣвна,
Что в колхозе, дескать, Яков третьѣй год,
И уж так живет, мол, Яков, так живет!..
Сын в Орхангельском, —
И пильщик он, и знатѣн он..
Как живет дочурка ваша, кстати, мол,
Что хвальбá, мол, это, да не пóхвальба.
Передай Овдотьюшке поклон от баб».

II

«Что сказать, что я нашел и видел?
Вологду нашел, но не твою.
Твой постой, —
Но то не старый выдел,
Песни девушек, —
Но ты в обиде:
Девушки не о тебе поют.

Я прошел проспектом обновленным,
У зеркальных у витрин стоял,
Я прошел по омутам зеленым,
По болотным топям, погребенным
Под асфальтом, кирпичом, бетоном,
Под торцом и плитняками скал.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,

Кадры мастериц в Кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живет!

«Все, казалось, бросила надолго,
Но теперь, грит, — на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Ожидал я дочку со дня на день.
Ох, и девка, Яков!
Ох, и вид!
Уж чего-чего не говорит.
Бригадиршей на льнокомбинате,
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
Вечером,
Устав у звезд летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля, —
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Отписать: «Володе, грит, салют!»

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают».

1935-36 г.

НА НОВЫЙ ГОД¹

С новой запевкой на новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Космы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки-головки горят,
Брошка на ковте, пуговики — в ряд,
Цветики на ковте.
Добёр наряд.

А ветер по окнам ставнями бьет,
В ров за столовкой набит сумет
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов
Гавкают собаки, боров ревет.

А девка на лавке веревку вьет,
Вережку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на новый год!

«Вейся-повейся крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку — лиху беду,
Чтобы годов не считать — поживать,
Жовтую картовку одну не жевать,
Чтобы от сдобных печных пирогов

---

¹ При чтении акцентировать на «в». Звука «ф» нет во всем стихотворении.

Духом парным распирало кров,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтоб и золовка была не в козла.
Чтобы забылась навек маята:
Время не то
И сноровка не та.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет.
Девка на лавке веревку вьет.

1935-36 г.

П И С Ъ М А К Е Л Е Н Е

* *
*

Сесть за стол
Да развести чернила
И писать, как слезы лить,
О том,
Как она дышала, как любила,
Измывалась и боготворила,
Плакала,
Но покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу
Ветер выл,
А я пытался спать.
С неба,
С моря
Шла вода на сушу...

Сесть за стол
И вздрагивать,
И слушать:
Не вернется ль? —
Дверь не закрывать.

1935

* *
*

Ни покоя тебе, ни просто
Тишины. Берега кипят.
И вода шестибального роста
Обдаёт с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней прознобит насквозь,
Синий свет пронижет все тело,
Ветер выдует каждую кость,

И уже никуда —
Угрюмый
Или радостный —
Не уйдешь,
Никуда не уйдешь от шума
И от скрипа своих подошв, —

Ни в ущелья Урала,
Ни в пади
Вологодских трущоб, —
Никуда!..

. . . . .

Так — от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

1936 г.

РАЗМОЛВКА

Пусть не пишешь,
Запираешь двери
От моих тяжелых, грустных слов.
Все равно мы встретимся,
Я верю:
Волны, схлынув, вновь идут на берег.
Неизбывна
Первая любовь.

Сколько перегонов —
Сто иль двести
До приветивших тебя краев?
И в разлуке здравствуем мы вместе:
В нашей молодости,
В наших песнях,
В незабудках,
В зелени предместий
Чувствую дыхание твое

Близостью последней мне знакома,
Радостью взлелеяна одной,
Не оставишь, не уйдешь к другому:
Где бы ты ни ездила —
Ты дома,
С кем бы ни ходила —
Ты со мной.

Встретимся —
Забудутся размолвки.
Спросят одногодки:
«Где была?»
Переглянемся:
«В командировке!»
Подмигнем:
«В Гурзуфе по путевке
Вина виноградные пила...»

Лишь один товарищ не поверит:
Пожурит, нахмурит кунью бровь
И поздравит:
«Не бывать потере —
Временем
Испытана любовь».

1935 г.

* *
*

Как в чайках синий вал волны,
Как берег моря в белой пене, —
Все уголки земли полны
Моими письмами к Елене.

В какой живешь ты стороне?
Сошла ли боль обид на убыль?
Не вспоминаешь обо мне
Иль все еще грустишь и любишь?

Пусть эти письма не дойдут, —
Ты все равно меня услышишь
В любой степи,
В любом саду,
В горах,
На гребнях гор
И выше.

1936 г.

РАЗНОЕ

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Врывается шум водопада с плотины...

Он ходит по комнате.

Дверь...

Стена...

Косится на мертвый кусок полотна:

Картина готова...

И — нет картины.

Еще бы каких-нибудь два мазка

Решающих,

Несколько солнечных линий —

И рамка сосновая будет узка,

И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,

Сейчас оживут берега, расступаясь,

И, словно с плотины, хлынет вода

К ногам с полотна

Живая,

Густая.

И солнце пойдет по песчаной косе,

И рыба взиграет у рыжего брода,

И головы горы поднимут.

И все

Увидят, что это не только природа.

Но память потухла, и глаз молчит.
Еще бы каких-нибудь два,
Нешироких...

По листьям, по травам скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат;
Передники в крапинках волчьих ягод.

Он хочет захлопнуть окно,
Закричать,
Чтоб не мешали...

Но вот они рядом.

Они уже в комнате...
На полотне...

И вдруг озаряется вся картина.
Так лес поутру проступает в огне
Зари.
Так сияет улыбка сына.
Так вспыхнет порой на деревьях пушок
Под солнцем,
В затоне — льняные волокна.

Нашел!..
За палитру, за кисти!..
Нашел!

И ничего, что распахнуты окна.

1936-37 г.

ТУЧА

Издалекá,
Томясь от слезной муки,
Играя снежной белизной плеча,
Заламывая молнии,
Как руки,
Шаль темную
По травам волоча,
Она плыла.

Весь мир припал и замер,
Истосковавшись, ждал:
Придет гроза.
Глядело жито желтыми глазами
В ее большие
Влажные глаза.

Ничто вокруг не вызвало тревоги.
Пред тучей полдень побледнел и смерк.
Вились воронки ветра на дороге,
Несмелые,
И поднимались вверх.

Но вдруг расперло воздух
Черным громом,
И хлынули
Свистящие клинки.

В полях осталась
Смятая солома,
В садах продрогших —
Яблонь костяки.

1936 г.

* *
*

Лишь вековые
В самое небо
Сосны вошли, все его заполнив,
Лишь к вековым
На зеленый гребень
Соколом солнце садится в полдень.

Только в бескрайней
Облачной шири
Молнии воздух стригут и режут.
Только на самой гордой
Вершине
Носится ветер,
Пресный и свежий.

Только в вершинах
Не увядая,
Жизнь все устои крушит и ломит..

И, расправляясь,
Сосна молодая
Тянется
К солнцу, к дождям и грому.

Чтоб ощутить полногу небывалой
Свежести жизни

В грозовой сини...
И если упасть,
То горным обвалом
Неистош^имой жизненной силы,

1937 г.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

До чего блестят полы,
До чего углы белы,
Холодны постели.

Как бессонница, страшна
Коечная тишина.
Четыре недели

Вылежал.
Сдавило грудь —
Не уснуть, не продохнуть.
Чортова палата!

На начищенный паркет
Падает лучистый свет
Голубым квадратом.

Входят сестры.
— Спишь, больной?
Освежающей волной
Льется в бронхи воздух.

Бьют часы...
А за окном
Дождь, наверное,
И гром,
Вечерами — звезды.

Вечерами — огоньки
В мутных заводях реки,
В полдень — сон на сене...

Только выйди — за стеной
Настоящий, проливной
Шум воды весенней.

Выйди только — по двору
Бродят куры,
На ветру —
С тополей пушинки,

В саду свежие цветы,
Ситец в крапинку — кусты,
И хрустят тропинки.

И зеленый стадион
В нежном шорохе знамен.
В листьях,
В солнце,
Ветре...

— Доктор, скоро ли?

Футбол.
Первый выход.
Первый гол.
Бег на сотню метров.

Финиш.
Молнией в глаза —
Лента красная.
Гроза
На трибунах, выше, —

Словно крылья над прудом.
(Доктор, скоро ль?)

Браво-о!

Гром,

Грохот — град по крыше.

До утра, наверно, ждут

Девушки меня в саду,

Ночь в саду дымится.

Скоро ль первый выходной?

Входят сестры:

— Спишь, больной?

— Нет, не спится!

1935 г.

КОСА

«...А завершение красоты — волосы».
«Книга 1001 ночи».

Не огонь-перо жар-птицы,
Не поля дамасских роз —
Снятся мне твои ресницы,
Снятся тихие зарницы
Золотых твоих волос.

Ты в морскую зыбь входила,
Словно в облако луна.
Ты смеялась, ты светилась.
Живописней всех катилась,
Пенясь, с плеч твоих волна.

Поднималась ты на скалы —
И с базальтовых громад
Лился тонкий, небывалый,
Золотистый водопад.

Чья душа не замирала,
Когда ты ходила в пляс,
Когда ты разволновала
Свою косу в первый раз,

Вот она горит, как зори,
Как сполóхи
И видней,
И не могут с нею спорить

Ни огни, ни волны моря —
Даже волны!
Даже море!
Даже радуги огней.

С чем сравнится это пламя?
Что зарницы поутру,
Коль твоя коса, как знамя,
Полыхает на ветру!

1937 г.

ОНА УШЛА К ДРУГОМУ

Вчера узнал: она ушла к другому.
Мы здесь сидели.
Вот обрыв, скамья...
Хожу по берегу от дома к дому.
Не пожелаю никому другому
Такой тоски.

Пускай мои друзья
Меня накажут.
Пусть не пишут писем.
Пусть примут так, как будто бы ушла
От них она.

Здесь...
У нее был лисий
Пушистый воротник и звездный бисер
На темной кофте...
Здесь она была.

Счастливые пьянеют.
Мне казалось:
Земля волчок,
И я его верчу;
Меня любовь сияньем окружала;
Какая б смертно не затосковала,
Не бредила бы мной, лишь захочу?!

Пусть палуба пустеет, только выйду,
Пусть заиграет баянист не в лад,

Лишь запою —
Любой укор, обиду
Любую вынесу
И даже видом
Не покажу, что больно:
Виноват.

Корабль качало —
Вспоминал: ходила
Она, покачиваясь на носках.
А как работала,
А как любила!..

Что может скрыть позор и стыд?
Могила?
Куда я плыл?
Чего хотел?
Искал?

Пусть не греметь при мне над морем грому,
Пусть для меня сполохам не сиять.
Такую девушку отдать другому!..
Пусть зарастет тропа к родному дому,
Пусть проклянет меня родная мать,
И отвернется брат.
Меня, такого,
Пусть в бурю смоеет с корабля волна.
Чего ждала ты, молодость?!
Другого
Теперь она ласкает,
Дорогого...
А здесь, в саду,
Со мной была она,
1937 г.

ДРУЖБА

Александрю Азиковичу Льговскому.

Мир опрокидывался. Рос
Бредовый ха́ос.
В черном небе
Метались стаи синих звезд.
Дымился Млечный путь.
Выл Пес.
Плясал Дельфин.
Кружился Лебедь.

В вираж и в штопор шли стрижи.
Я падал.
Недруги смеялись.
Я падал.
Мне хотелось жить.
Густые дозревали ржи,
Плоды с деревьев осыпались.

И каждый раз сквозь визг и стон;
Чужие запахи и звуки
Ко мне в овраг со всех сторон
Друзья протягивали руки.

Мир прояснялся.
Только ртуть,
Как лезвие клинка сверкала.

Деревятели руки, грудь,
Подушка жгла...
Уснуть!.. Уснуть!..
Но только б не под одеялом.

* * *

Чуть слышно тикали часы —
Так падает вода из крана.
Из всех углов в лучах косых,
Раскинув страшные усы,
Ползли седые тараканы.

Они трубили в сотни труб...
И снова вскакивал бежать я
За белый дом,
За желтый сруб...
Искал ответной ласки губ,
За дуба ветвь хватался,
Дуб
Мне отвечал рукопожатьем

И прикрывал меня живой
Стеной из листьев,
Лоб мой гладил
И на ухо шептал:
«Родной!»
Я пробуждался; надо мной
Друзья мои стояли.
Рядом.

А стол был снедью загружен.
Клонились яблони к постели.
С зарей усталый почтальон
Нес письма мне со всех сторон.
Они, как лист весной, шумели.

* * *

Нам дружба родину дала.
Как родину, ее мы любим:
Вот подошла и обняла,
Напомнила, что есть дела,
И обожгла дыханьем губы.

И я, прикикнув к ней, шепчу
Всем существом моим, всем телом:
«О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу!..»

Хоть на локтях приподнимусь...
Что на дворе: дожди иль вьюга?
Скажи, мой друг,
Скажи, подруга,
Как передать любовь к тому,
Кто нас учил беречь друг друга?.

Как мы его должны беречь!..

Но вновь в глаза плывут туманы,
В затылке боль и в крыльях плеч...

* * *

— Закройте окна.
Дайте лечь.
Пусть не шумят...
Я скоро встану.

1934 г.

ХОЗЯИН

Я знаю, меня не любить нельзя;
Я самый рачительный из хозяев.
За мною следят и враги и друзья:

Взрываю базальты,
Сады подрезаю,
Дороги мощу,
Карасей ловлю, —
Богат и улыбчив,
Силен и спокоен,
Ругаюсь и спорю,
Клянусь и люблю...
Кто скажет еще о себе такое?..

Товарищ^{ей} радуется счастье мое.
Хожу по земле.
А земля большая.
С Памирского пика
Гляжу на нее,
С двадцатого неба
Гляжу на нее:
Владеньям моим
Ни конца,
Ни края.

Где только мои вымпела ни горят!..
Скрипят под ногой корабельные сходни.
Арыки в песках

Обо мне говорят,
И соль свою
Мне отдают моря,
И реки становятся полноводней.

Вхожу в заповедную глушь тайников
С киркою,
В медвежьи уголья Печоры.
Мне к золоту сказочных сундуков
Ущельный лаз уступают горы.

А если я —
Гость и хозяин —
Пою
В Гайд-парке,
Пляшу,
Выступаю в Пен-клубе —
Одни славят молодость,
Гордость мою,
Другие, косясь, поджимают губы

И лебезят,
Но до срока, до дня,
До схватки решительной...
Я не в обиде:
Кого, как не силу мою,
Не меня,
Можно
Так
Ненавидеть?!

Хоть близко локоть,
А в зубы не взять.
И воют у стен моих волчьи стаи.
А я не один.

У меня друзья,
И справа друзья,
И слева друзья,
Кругом друзья.
И враги это знают.

Живу.

Впереди столько светлых лет,
Такая дорога,
Такое небо,
И столько работы
И столько побед,
И столько богатых садов и хлеба.

1936 г.

П Е С Н И

ВСТРЕЧА СЕВЕРНОЙ ФЛОТИЛИИ

Что-то в море Белом
Небо заалело,
Волны поседелые
В берег бьют.
Эх, да волны Белого в берег бьют.

    Это крейсера наши,
    Это миноносцы,
    Это к нам подводные лодки идут.

На мысу зеленом
Строятся колонны —
Вышел со знаменами
В порт народ.
Эх, да со знаменами весь народ.

    Это наши юноши,
    Это наши девушки,
    Это пролетарии встречают флот.

Вечером фуражки
Во саду во нашем
Белыми ромашками
Зацвели.
Эх, в саду ромашки да расцвели.

    Это краснофлотские,
    Это бескозырки,
    Это моряки наши гулять пришли.

Говорили речи,
Радовались встрече,
Вспыхивали вечером
Огоньки.
Эх, горели, вспыхивали огоньки.

Это праздник юности.
Это была встреча...
Здравствуйте, товарищи моряки!

1935 г.

ЧЕТЫРЕ БРАТА ¹

Запоем, ребята.
Двигутся полки.
Нас четыре брата,
Все — большевики.

Боевые парни,
Партии сыны.
Каждый брат — ударник
Молодой страны.

Враг не спит, ребята,
Поднимайте штык!
Нас четыре брата,
Каждый — большевик.

Для Советской власти
Первому давно
Тракторные части
Отливать дано.

Если ж будет надо
Выйти воевать, —
Он начнет снаряды,
Пушки отливать.

---

¹ Текст песни премирован в 1934 г. на Всесоюзном конкурсе ЦК ВЛКСМ на лучшую комсомольскую военно-походную песню.

Враг не спит, ребята,
Поднимайте штык!
Нас четыре брата,
Каждый — большевик.

У второго брата
Думушка одна,
Чтоб жила богато
Хлебная страна.

Но рванет по трактам
Рубленным свинцом —
Танком станет трактор.
Тракторист — бойцом.

Родина богата,
Урожай велик...
Нас четыре брата,
Каждый — большевик.

Над страной Советов
Третий брат — пилот
И зимой и летом
Водит самолет.

Чуть война настанет,
Зашумит тайга, —
Мертвой петлей стянет
Он хребет врага.

Враг не спит, ребята,
Поднимайте штык!
Нас четыре брата,
Каждый — большевик.

Младший брат примером
В жизнь войдет в строю
Красным инженером,
Снайпером в бою.

Все мы — землемеры,
Летчики, стрелки,
Все мы — инженеры,
Все — большевики.

Родина богата,
Урожай велик...
Враг не спит, ребята,
Поднимайте штык!

1933 г.

ЛЕТЯТ САМОЛЕТЫ

Широка земля наша,
Широка.
Ходят над землей нашей
Об-ла-ка.

В самые опасные
Уголки
Проникают красные
Лет-чи-ки.

Летят самолеты
Над страной богатой,
А на самолетах
Все свои ребята,
Свои, молодые,
Отважные сыны
Великой Советской страны

Широки поля наши,
Широки.
И летят товарищи
Лет-чи-ки.

Встанет здесь высокая
Хлебов стена.
Рассевайте ж, соколы,
Се-ме-на.

Бреющим полетом
Над землей богатой
Ведут самолеты
Молодцы-ребята,
Все свои ребята —
Достойные сыны
Великой Советской страны.

Разлеглося морюшко,
Синь-вода.
Мы закинем в морюшко
Не-во-да.

Рыбные богатые
Косяки
Выследят крылатые
Лет-чи-ки.

Бреющим полетом
В заводи заката
Ведут самолеты
Молодцы ребята,
Все свои ребята —
Отважные сыны
Великой Советской страны.

Зимует у полюса
Милый мой.
Не услышит голоса
Мо-е-го.

Но несутся летчики
С островов:
Дорогой молодчик мой
Жив-здоров!

Высоким полетом
Над страной богатой
Ведут самолеты
Молодцы-ребята,
Все свои ребята —
Достойные сыны
Великой Советской страны.

Враг, своими силами
Не кичись:
Встретим, не помиluем —
Вырвем жизнь.

Вылетят бойцы наши
К облакам.
Велика земля наша,
Ве-ли-ка!

Летят самолеты
Над страной богатой,
А на самолетах
Все свои ребята,
Свои, молодые,
Отважные сыны
Великой Советской страны.

1935 г.

ЛЕТЧИК ВАСИЛИЙ

Высоко́-высо́ко
Над густой осокой,
Над землей, где в росах
Стелется трава,
Вьется светлый сокол.
То не светлый сокол, —
Это наш Василий,
Весела голова.

Здравствуешь, Василий!
Куда плывешь?
Аль села родного
Не узнаешь?
Мы с тобой, Василий,
Одну воду пили,
Ты теперь, сосед Василий,
Как живешь?

А путем гусиным
В небе парусинном
Синяя-рассиняя
Гроза идет,
И шумит вершинник,
Клонится осинник,
Только не снижается
Сокол-самолет.

Опустись, Василий,
В счастливый час,

И себя покажешь,
И взглянешь на нас.
Вспомним, брат Василий,
Как мы вместе жили.
Аль теперь тебе, Василий,
Не до нас?.

Только смотрим — к нашим
Городам и пашням
Воронье незваное
В гости летит.
И взвился Василий:
Раз уж навестили,
Надо, чтоб обратного
Не нашли пути

Выходи, Василий,
На смертный бой,
Вся страна родная
Следит за тобой.
Мало ли, Василий,
Мы врагов скосили,
Знать, не привыкать, Василий,
Нам с тобой.

И назад высоко
От лесов, от сопок
Воронье уходит
За тайгу, моря,
А по-над осокой
Реют наши соколы
Наши соколята
В облаках парят.

Береги, Василий,
Свой самолет,
Не снижай над морем
Победный полет.
У тебя, Василий,
Неисчетно силы:
За тобой стоит, Василий,
Весь народ.

1935 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Северное

Снег	5
Так начиналась молодость	7
Чапаевцы	10
Олена	13
Слѡва-то красивого	16
Шла я нынче заимкой	18
Мѣта	19
У ворот в цветах и лентах лошады	21
Льнозавод	22
Вдова	26
Вологда	30
На новый год	33

Письма к Елене

Сесть за стол	35
Ни покоя тебе, ни просто	36
Размолвка	37
Как в чайках синий вал волны	39

Разное

Художник	40
Туча	42
Лишь вековые	44

Выздоровление	46
Коса	49
Она ушла к другому	51
Дружба	53
Хозяин	56

Песни

Встреча сезерной флотилии	59
Четыре брата	61
Летят самолеты	64
Летчик Василий	67